

Воспоминания о ВОВ ветеранами педагогического труда общеобразовательных учреждений Мухоршибирского района.

*День победы. И в огнях салюта
Будто гром: - Запомните навек,
Что в сраженьях каждую минуту,
Да, буквально каждую минуту
Погибало десять человек!*

Эдуард Асадов

9 мая 2015 года наша страна отметит 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. С каждым годом мы всё дальше и дальше уходим от военной поры. Но время не имеет власти над тем, что люди пережили в войну. Это были очень трудные времена. Война обрушилась на детей, так же как на взрослых бомбами, холодом, голодом и разлуками со своими близкими родственниками.

Мы родились и выросли в мирное время, никогда не слышали воя сирен, извещающих о военной тревоге, не видели разрушенных военными бомбами домов, не знаем, что такое не отопленный дом и скудный военный паек. Наверное невозможно все рассказать о войне, потому что история - это судьба каждого, кто вынес на себе четыре года смертных боев, четыре года ожиданий и надежд.

Есть такая женщина-педагог в свое время, которая не побоялась приехать в глухую Сибирь сеять «разумное, доброе, вечное». Великая Отечественная Война занимает у неё отдельную страницу в её жизни. Она жила на оккупированной немцами территории-блокадном Ленинграде. Этим человеком является Иванова Нина Ивановна.

Воспоминания Ивановой Нины Ивановны (Ветеран педагогического труда, блокадница) о ВОВ:

«Что касается блокады Ленинграда, то я те дни не всё четко помню. Четыре года мне всего было. Я помню как мама умерла, как соседка пришла и сказала: «Нина, вставай, мама умерла!». До этого за день также от голода сестра умерла, еще раньше- отец, и я осталась круглой сиротой. Потом стали собирать детей в Ленинградский приют, где и мы жили какое-то время, а потом перевезя через реку Ладогу, по «дороге жизни» нас вывезли из Блокадного Ленинграда и отправили в Горьковскую область. Я сама хорошо помню, как перед нашим судном падали бомбы, но мне, видимо, было суждено остаться живой. Еще помню, когда поезд наш шел в Горьковскую область, и тоже мы попали под бомбежку. Я помню как нас, детей, выводили из поезда и мы лежали на земле. Очень хорошо помню, как мы заходили по трапу на судно. В Горьковской области здание, где мы жили, было очень хорошее, добротное».

На нашей Мухоршибирской земле был старейший педагог республики, который был хорошо известен людям старшего и среднего поколения. Признанный авторитет республики, учитель-универсал, учитель разносторонних дарований и интересов, он жил насыщенной и полнокровной жизнью. Таким человеком являлся Веретельников Евгений Тимофеевич.

Из статьи газеты «Бурятия» от 12 марта 2014 г. №34 Нелли Коробенковой мы узнаем, что Евгений Тимофеевич Веретельников (ветеран педагогического труда) рассказывал нам о ВОВ:

«Заведующим райОНО в Бичуре я проработал ровно четыре года- с января 1940-го по январь 1944 года. Первоначально дела пошли неплохо. Школы более менее были укомплектованы педагогическими кадрами. Обязали всех учителей наряду с основной работой заниматься ликбезом. Но вот наступил 1941 год. На второй-третий день после объявления войны в армию призвали 70-75 процентов учителей. Так случилось потому, что тогда 80-85 процентов учителей были мужчины. Из 41 заведующих и директоров школ только одной школой (Ленинской в Бичуре) заведовала женщина- Мария Антоновна Галдаевич.

Проблемы кадров и прочие заботы легли на мои плечи невыносимой тяжестью. Даже в средние и семилетние школы приходилось назначать учителями, а кое-где руководителями людей с незаконченным средним образованием. Директорами и заведующими стали исключительно женщины, не имеющие опыта хозяйственной работы. По понятным причинам, связанным с трудностями военных лет, начался отсев учащихся. Школы работали на энтузиазме учителей и мужестве детей, стойко сносящих невзгоды военного времени. 6 января 1944 года по моей настойчивой просьбе меня освободили от должности заведующего райОНО и назначили директором Малокуналейской средней школы, а уже в декабре я был переведен директором Бичурской средней.

И тут снова постигли невероятные трудности. Война еще продолжалась. Школа не была подготовлена для работы в зимних условиях. В отдельных классах нижнего этажа окна были разбиты, а двери забиты досками. Занятия в них не проводились. В некоторых

северных классах установили железные печки. В школе тогда было только печное отопление, а дров летом не смогли заготовить. И вот каждый день (спасибо председателю Ермолаю Логиновичу Петрову) колхоз выделял одну-две подводы для поездки в лес за сырыми дровами.

Когда я принял школу и увидел такое полуразрушенное здание, то немедленно обратился с просьбой к председателю колхоза «Красное знамя труда» Ермолаю Логиновичу Петрову о выделении рабочих и материалов для ремонта школы. И надо отдать должное этому человеку- рабочие были выделены, стекло и материалы подвезены. Началась заготовка и вывоз дров. Школа постепенно стала работать в относительно нормальных условиях, учителя облегченно вздохнули. Учителя трудились добросовестно.

В школах Мухоршибирского района я проработал 41 год и 13- в Бичуре. Мой педагогический стаж 54 года. Считаю, что жизнь прожил не зря. Ученики меня встречают приветливо».

В Мухоршибирском районе есть также педагоги, прибывшие в Сибирь в советские годы из центральной и западной частей страны. Таким примером оказалась Червинская (Серова) Нина Ивановна, которая оказалась родом из Ростовской области, и ужасы немецкой оккупации испытала на себе.

Воспоминания Червинской Нины Ивановны (ветеран педагогического труда):

«Мне шел восьмой год, когда началась война. Сразу закончилось детство, начались испытания на выживаемость- испытания жестокостью, голодом, холодом и страхом.

Адрес моего детства- Ростовская область, станция Мальчевская. Мой отец Серов Иван Васильевич работал редактором районной газеты. Сразу после объявления войны он не был призван в армию по возрасту, хотя как настоящий коммунист просился добровольцем на фронт. В марте 1942 года его просьба была удовлетворена. Он прошел краткосрочные курсы в Нижнем Новгороде и был отправлен в действующую армию политруком. В мае 1942 года мой отец пропал без вести. Моя мама, Серова Анастасия Ивановна, осталась с четырьмя детьми, старшей дочери было 15 лет, а младшему сыну всего 5 лет.

Я восхищаюсь мужеством, жизнестойкостью и самопожертвованием своей мамы и всех других матерей, таких же как она. Они были настоящими героинями, достойными и наград, и памятников и памяти. Когда мне бывает трудно в жизни, я вспоминаю свою маму и все трудности становятся такими ничтожными.

Когда немцы подошли к Ростову, отец отправил нас в эвакуацию. Ехали мы в тракторной тележке с будкой. В этой будке было три семьи, на ночлег останавливались в казачьих хуторах.

Люди пускали нас, но маме и старшим детям всегда приходилось платить за это каким-либо делом. Это была школа жизни. Вскоре немцев отогнали от Ростова, за нами приехал отец, и мы вернулись в Мальчевскую.

Летом 1942 года немцы снова заняли Ростов. На станцию начались налеты. В один из первых налетов бомба упала во двор дома, где я была вместе с другими детьми. До сих пор я слышу этот ужасный свист бомбы. Мы все бросились прятаться. Я побежала следом за женщиной в подвал. Бомба взорвалась рядом с подвалом, нас засыпало камнями и землей. Голова моя оказалась под деревянной балкой перекрытия, и это меня спасло. Ран было много, но серьезных только три: две в голову и одна в ногу.

После налета меня откопали и унесли в больницу. Раненых было много, и на следующий день всех с тяжелыми ранениями в кузове грузовой машины повезли в госпиталь города Миллерово. Я была почти все время без сознания, поэтому медсестра, вернувшись сказала маме, что я умерла. Поехать и забрать меня у мамы не было возможности. Немцы были близко, и других детей не бросишь. Решили эвакуироваться. Семьям коммунистов нельзя было оставаться, так как это грозило неизбежным уничтожением. На этот раз пришлось ехать на арбе, запряженной волами. При такой скорости далеко не уедешь. Доехали до станицы Вешенская, где была переправа через Дон, но переправиться не успели. Сначала пропускали отступающие войска, а потом мост разбомбили немцы. Так мама с детьми осталась в Вешках. Жили они в здании школы. В госпитале раненые занимали все полы. Здесь были и военные и гражданские. Я совершенно не помню, как мне обрабатывали и зашивали раны. Первое воспоминание связано с тем моментом, когда снимали швы с ран на лице. Помню как врач хвалил меня за терпение, а я не плакала. После этого все помню хорошо. Немцы начали бои за Миллерово и раненых поместили в подвал. Мы лежали на матрацах на цементном полу. Было очень холодно. Потом немцы заняли город и нас вернули в помещение. Но как то пришли немцы с автоматами и приказали всем убираться из госпиталя. Я была в палате на втором этаже с рядом лежащим тяжелораненым бойцом. В это время я еще не могла

ходить и меня кто то взял на руки. Тяжелораненого бойца немцы выбросили в окно. Они не хотели ждать и требовали сделать все быстро.

Я помню, что меня поместили в какую-то повозку и перевезли в другую больницу. Здесь я встретила девочку из Мальчевской и мы стали держаться вместе. В палате нас было трое: я, девочка и еще женщина со страшной раной в спине. Я начала понемногу ходить и мы с подружкой, как могли помогали этой женщине.

Пришлось еще раз увидеть немцев. В какой то день они ворвались к нам в палату и заставили всех встать с кроватей. Мы с девочкой встали, а женщина не могла и за это немцы её сдернули с постели на пол. Они все постели перерыли и ушли. Женщина вскоре умерла.

В больнице не было продуктов, кормили нас тем, что приносили жители.

Однажды в госпиталь приехала женщина из хутора близлежащего к Мальчевской. Она на телеге везла сына, который подорвался на mine. По дороге он умер. С этой женщиной нас с девочкой отправили домой.

Не помню какое время мы ехали эти 18 км на телеге. Женщина (огромное ей спасибо) поехала дальше, а мы пошли искать своих. И как мы только сообразили не расставаться. Наверное было страшно. Кругом развалины и не видно было людей. Сначала пришли к моей квартире- никого, потом к её- тоже никого. Посчастливилось найти знакомых моих родителей и они нас приютили. Потом мы жили то у одних знакомых, то у других. Спасибо добрым людям, нас везде жалели, кормили и по возможности одевали.

Так прошли недели две или три, и вернулась мать моей подруги. Через два- три дня я встретила с мамой и старшим братом. Они пришли из Вешенской, чтоб найти жилье. Немцы приказали всем вернуться по домам.

В нашей квартире жили уже другие люди, а нас в комендатуре решили поселить в одну из комнат дома, где на втором этаже жили немцы и через одну квартиру находилась комендатура.

Определившись с жильем, мы пошли в Вешенскую. Я еще плохо ходила, болели раны. Идти было километров 5-6 и часто меня несли на руках мама или брат. Мне уже шел девятый год. Я была ростом и весом невелика, и все же им было нелегко.

На следующий день я вышла на улицу. Голова и ноги были перевязаны. На мне было платье из фланели, подпоясанное чем-то. Один из немцев, увидев меня в таком виде, страшно развеселился. Он направил на меня автомат и сделал вид, что хочет стрелять. Я упала в пыль на дорогу и дальше ничего не помню. Рассказала мне сестра, что немец хохотал и стрелял поверх меня, а я кричала и вертелась в пыли как юла. Он никого ко мне не подпускал до тех пор, пока его не позвал другой немец. После этого я долго болела, хотя в памяти этот случай жил так, как будто это было не со мной, а с кем-то другим.

Потом мы вернулись в Мальчевскую. Жили в оккупации больше полугода. Было холодно, был голод, было страшно. Бомбежки, обстрелы. На улицу я почти не выходила. Мама спасала нас тем, что иногда шила что-нибудь.

Но как бы ни было трудно, она всегда говорила: потерпите, скоро придут наши. Мы все верили, что скоро нас освободят. Последние месяцы у нас стояли итальянцы. При них не было таких жестокостей, как при немцах. Иногда они выгоняли нас строить укрепления.

Нас освободили в феврале 1943 года после разгрома немцев под Сталинградом. Я хорошо помню этот день. Итальянцы спешно покидали дома. На улице трещали мотоциклы, а к вечеру их уже нигде не было. Мы вышли на крыльцо и вдруг увидели лыжников в белых костюмах. Это были наши. Мы все плакали и не могли выйти им навстречу- у нас на четверых была одна пара обуви, в которой можно было идти по снегу. Обуты мы были в тряпичные бурки, сшитые мамой.

Когда солдаты пришли к нам, мы узнали, что это были сибиряки. Возможно, среди них кто-то был и из Бурятии.

Среди них был командир Серов Иван Васильевич, но это был не мой отец. Солдаты давали нам продукты, лекарства и оставили плащпалатки из которых мама сшила нам одежду».

Война уходит от нас все дальше и дальше, а память о ней живет и должна жить. Люди должны знать, что такое война, что такое фашизм. Живых свидетелей войны остается все меньше и меньше. Успеть бы их выслушать!